

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 186–193

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 186–193

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193>

Научная статья

УДК 811.161.1'374

«Чистосердечное признание» в институциональной и бытовой коммуникации: речевой жанр или речевой поступок

Н. Н. Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, 400005,
г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания,
panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Аннотация. В статье рассматривается специфическая ситуация общения «чистосердечное признание» в институциональном (юридическом) и лично ориентированном (бытовом) дискурсах и предпринимается попытка определить жанровую принадлежность в зависимости от дискурсивной реализации. Анализ позволил установить, что чистосердечное признание в юридическом дискурсе – речевой жанр, адресованный следственным органам, характеризуемый определенной композиционной структурой, точностью обозначения, конкретностью, лаконичностью, стандартизованностью изложения, использованием юридической терминологии и отсутствием смысловой неопределенности и экспрессивно-эмоциональных языковых средств. Его коммуникативная цель – изложение событий и поступков криминального характера, совершенных автором признания, с указанием обстоятельств и сведений о других участниках преступления.

Чистосердечное признание в бытовом дискурсе – речевой поступок, варьируемый по степени искренности / откровенности, не имеющий жестко формализованной структуры, соотносимый с тремя основными вариантами реализации – с сообщением о вине, честным ответом или правдивым высказыванием. В обоих дискурсах обнаруживается десемантизация атрибутивной характеристики номинанта ‘чистосердечное признание’, последнее в юридическом дискурсе функционирует как термин, в бытовом дискурсе конвенционализируется, сближается с утратившими первоначальную коннотацию речевыми штампами.

Ключевые слова: речевой жанр, речевой поступок, чистосердечное признание, юридический дискурс, бытовой дискурс, откровенность, искренность

Для цитирования: *Панченко Н. Н.* «Чистосердечное признание» в институциональной и бытовой коммуникации : речевой жанр или речевой поступок // *Жанры речи.* 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 186–193. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Frank confession” in institutional and everyday communication: speech genre or speech action

N. N. Panchenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27 V. I. Lenin Pr., Volgograd 400005, Russia

Nadezhda N. Panchenko, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Abstract. The article views the specific communicative situation “frank confession” in institutional (legal) and personality-oriented (everyday) discourses. The author attempts to determine its genre affiliation in the discourses. Frank confession in legal discourse is a speech genre, which is addressed to the investigative

bodies, it is characterized by a certain compositional structure, the accuracy of designation, concreteness, conciseness, standardization of presentation, the use of legal terminology and the absence of semantic ambiguity and expressive-emotional language means. Its communicative purpose is to outline the events and criminal actions committed by the author of the confession, to indicate the circumstances and information about other participants in the crime.

Frank confession in everyday discourse is a speech action that varies in the degree of sincerity/frankness, does not have a strictly formal structure, correlates with three main types of actualization – a statement about guilt, an honest answer or a truthful utterance. In both discourses, there is a desemantization of the nominee's attributive characteristic 'frank' found. The collocation «frank confession» functions as a term in legal discourse, it is conventionalized in everyday discourse, in which it is approximately equal to speech stamps that have lost their original connotation.

Keywords: speech genre, speech action, frank confession, legal discourse, everyday discourse, frankness, sincerity

For citation: Panchenko N. N. "Frank confession" in institutional and everyday communication : speech genre or speech action. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 186–193 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Несмотря на то что в современном обществе все чаще наблюдается трансформация ценностей и отказ от ранее принятых норм, традиций и принципов коммуникативного поведения, во все времена в семиотику и этику коммуникативного поведения неизменно включается установка говорящего на искреннее, правдивое общение, а сознательная приверженность правде провозглашается одним из основополагающих принципов межличностного взаимодействия и одним из условий гармоничных отношений между коммуникантами.

Более того, искренность, честность и правдивость коммуникантов относятся к личным достоинствам и представляют ценностную характеристику языковой личности, тот нравственно коммуникативный ориентир, который обусловлен фундаментальной потребностью человека в открытом контакте с другой личностью без социальных ролей, масок и условностей.

И нет необходимости повторять, что во все времена человек испытывал и будет испытывать потребность в доверительном общении, которое является одним из условий для коммуникативного самораскрытия, психологического «обнажения» души. К основным речевым жанрам, реализуемым в рамках доверительного межличностного общения, относятся «разговор по душам» [1], «исповедь» [2], «откровенный разговор» [3]. Можно ли поставить в один ряд с этими жанрами и «чистосердечное признание»? Данный вопрос, а также попытка определить форму речевой организации его воплощения в институциональной и бытовой коммуникации формулируется в качестве основных задач данного исследования.

Теоретические и методологические основания

В данной части исследования важным представляется решить следующие задачи: а) оценить семантический потенциал словосочетания «чистосердечное признание» и б) представить некоторые соображения по поводу разграничения понятий «речевой жанр» и «речевой поступок».

Начнем с того, что чистосердечность наряду с откровенностью и искренностью относится к словам с диффузной семантикой. Размытость их семантических границ препятствует однозначному толкованию, во-первых, и, во-вторых, приводит к наложению различных ментальных пространств, коррелирующих, в частности, с разнообразными ситуациями общения. Как следствие, неполная дефиниционность подобных слов, обнаруживаемая в современной лексикографии, когда обращение к толковым словарям напоминает бег по кругу – одно слово трактуется через синоним/-ы, каждый из которых, в свою очередь, отсылает к исходной точке: *чистосердечный – искренний, откровенный; искренний – правдивый, откровенный; откровенный – искренний, чистосердечный* [4].

В результате психолингвистического исследования ассоциативных полей данных лексем установлено, что «откровенность» человека проявляется в «разговоре», в то время, как «чистосердечность» ассоциируется в сознании человека с «признанием» [5: 15].

Что касается лексемы «признание», то ее лексикографическое представление включает четыре значения, два из которых соотносятся с ситуациями общения: 1) открытое объявление, откровенное сообщение о своих поступках, действиях (*Признание своей ви-*

ны. Признание в совершении преступления); 2) объяснение в любви (*Страстное признание*). Психолингвистическое моделирование с использованием свободного ассоциативного эксперимента позволило И. А. Стернину выявить шесть значений, из которых для нас представляют интерес три, поскольку отсылают к определенным коммуникативным действиям:

- 1) **откровенное сообщение о своей вине** (откровенное сообщение 92, проявляющееся в разговоре 6 о своей вине 15, причиной которого является раскаяние 22, проявление совести 3, порядочности 1, результат тяжелых психологических переживаний 1, которое трудно сделать 2, неприятно делать 1, вызывает страх 1, требует смелости 5, является раскрытием тайны 2, сопровождается плачем 1, но целесообразно сделать 3, приводит к улучшению состояния души 1, к очищению души 1);
- 2) **заявление о совершенном преступлении** (чистосердечное сообщение 7, которое имеет форму явки с повинной 1 или ответа 1, признающего вину 15, совершается в милиции 1, делается на допросе 1, заносится в протокол 1, обусловлено раскаянием 22, применением силы 2, пытками 2, результат тяжелых психологических переживаний 1, приводит к осуждению в суде 7, к очищению души 1, прототипом является Раскольников 1, описано в «Воскресении» Л. Н. Толстого 1);
- 3) **объяснение в любви** (откровенное 92 сообщение о своей любви 138 в разговоре 6, сопровождается проявлением пылких чувств 1, выполняется на коленях 2, ночью 1, на берегу реки 1, делается на ухо 1, с преподнесением в подарок букета 3, кольца 1, розы 1, вызывает смущение 1, его трудно сделать 2, требует смелости 5, его можно долго ждать 1, может опоздать 1, доставляет приятные ощущения 2) [6: 9–10].

Исключая из дальнейшего рассмотрения такую ипостась признания, как объяснение в любви, мы сконцентрируем свое внимание на двух значениях – откровенное сообщение о своей вине / поступках (примеры 1, 2) и заявление о совершенном преступлении (примеры 3, 4), которые наиболее часто актуализируются в контекстах употребления словосочетания «чистосердечное признание»:

- (1) **Виктор Викторович чистосердечно признался, что вчера надрался, плохо себя чувствует...** (Д. Каралис. Автопортрет);
- (2) **Упрямство отчаяния мешало чистосердечно признаться в своей оплошности** (К. С. Станиславский. Работа актера над собой);

(3) **Развозжаев был доставлен в Москву, где написал заявление о явке с повинной, однако затем написал отказ от чистосердечного признания своей вины** (В. Гусев. Единоросс хочет уволить Познера с «Первого канала» // Известия, 2012.10.31);

(4) **Возьми на себя, а мы тебе за чистосердечное признание – годика два-три отсидишь – выйдешь** (Ш. Буртин, З. Читингов. Сто часов в аду // Русский репортер, 2011.09.22).

Поскольку нам предстоит определить, к какому типу коммуникативного действия относится чистосердечное признание – речевому жанру или речевому поступку, далее представим наше понимание дифференциации данных понятий.

Позволим себе заметить, что сегодня вряд ли имеется необходимость в подробном изложении хорошо известной бахтинской концепции. Впрочем, не нуждается в упоминании и его классическое толкование речевых жанров как «относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний» [7: 255]. Существующие в настоящее время многочисленные подходы к определению термина «жанр» [8–13 и мн. др.] демонстрируют расширение границ бахтинского понимания речевого жанра и позволяют выделить в качестве основных такие характеристики речевого жанра, как стереотипизированность, кодифицированность, узнаваемость, наличие коммуникативной цели, социальная обусловленность. Вместе с тем очевидно, что не все коммуникативные действия отвечают жанровым ожиданиям, влияющим на понимание дискурса и настраивающим на типическую коммуникативную ситуацию.

Нередко имя речевого действия соотносится с определенным речевым событием опосредованно, на базе оценочных отношений, «субъектом оценки выступает некий наблюдатель, определяющий характер поступка прежде всего с внешней стороны, то есть со стороны обстоятельств, ситуаций, в которые погружено оцениваемое им речевое действие, но, конечно, с учетом допускаемых этим речевым действием (его внутренней структурой) прагматических интерпретаций» [9: 33]. Нам импонирует идея введения в терминологический обиход понятия «речевой поступок», принадлежащая В. Е. Гольдину, поскольку такие имена, как, например, «клевета», не могут использоваться для обозначения речевого события или речевого жанра. Как пишет автор, «главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, не их структура, не локутивная или пропозициональ-

ная сторона, а воплощенные в них единицы поведения, **поступки**, то, чем оказываются, как могут восприниматься соответствующие действия» (выделено автором – [Там же: 29]).

Взяв за основу данное понимание, мы трактуем «речевой поступок» как единицу коммуникативного поведения/членения дискурса, целенаправленное коммуникативное действие, реализуемое на фоне определенного коммуникативного события или ситуации, характеризующееся единством интенции и последствий, воспринимаемое и оцениваемое внешним наблюдателем.

Представляется, что речевые жанры и речевые поступки можно дифференцировать по степени формализации (или ритуализации) – «отливание» в типизированную форму у жанра и отсутствие строгой формальной заданности у поступка.

Интересующая нас специфическая ситуация «чистосердечное признание», как мы установили ранее, выступает в двух ипостасях – заявление о совершенном преступлении и откровенное сообщение о своей вине, которые, на наш взгляд, реализуются соответственно в юридическом (институциональном) и бытовом (персональном) типах дискурса. В чем специфика реализации чистосердечного признания в каждом из них, рассмотрим на следующем шаге исследования.

Чистосердечное признание в институциональной коммуникации

Не вызывает сомнений факт, что в первую очередь термин «чистосердечное признание» устойчиво ассоциируется с юридическим дискурсом и отсылает к практике уголовно-процессуального права, выступая в качестве синонима термину «деятельное раскаяние» или одной из форм его проявления – «явка с повинной». В связи с деятельным раскаянием в Российском праве ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ устанавливается освобождение от уголовной ответственности. Предусмотренный в УК РФ институт «досудебных соглашений о сотрудничестве» (т. е. соглашения между сторонами обвинения и защиты, устанавливающих условия ответственности подозреваемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела и/или предъявления ему обвинения) позволяет при наличии явки с повинной и отсутствии отягчающих обстоятельств смягчить ответственность и уменьшить положенный срок или размер наказания за преступление.

(5) *Он сделал чистосердечное признание и оформил явку с повинной* (Что известно по делу преподавателя СПбГУ // Коммерсант, 2019.11.10);

(6) *Чистосердечное признание позволило россиянину получить минимальное наказание* (Российский паралимпиец попался на марихуане // lenta.ru, 2019.04.19);

(7) *Явка с повинной, чистосердечное признание, соглашение – и тот, кому за доказанные преступления следовало бы по закону 25 лет, получает 14, кому положено 20–12* (Ю. Васильев. «В недоработках обвиняю власть. То есть себя» // lenta.ru, 2015.08.03).

Нельзя отрицать, что чистосердечное признание в институциональной, в частности юридической, коммуникации – полезная и значимая с точки зрения интересов общества и государства форма проявления посткриминального поведения личности.

(8) *Мужчина сразу признался: он, как ранее судимый, понимал, что чистосердечное признание облегчает участь* (К. Немирова. Мошенник кидал любителей дешевого топлива // Комсомольская правда, 2008.05.28).

Вместе с тем нельзя игнорировать факт, что юридически маркированное признание именуется чистосердечным лишь условно, поскольку в большинстве случаев характеризуется отсутствием искреннего раскаяния, сопряженного с «обнажением» души. Признание вины/признательные показания в высшей степени рационализированы и мотивируются невозможностью отрицать вину (9) или прагматическими соображениями избежать уголовной ответственности и/или смягчить наказание (8).

(9) *Фалькина вычислили благодаря записям с камер видеонаблюдения. Поначалу он отрицал свою вину, но, когда в багажнике его машины нашли следы крови, написал чистосердечное признание* (На Урале начались поиски жертв серийного маньяка-эмчезсовца // lenta.ru, 2018.02.13).

Рациональная основа «чистосердечного признания» подтверждается сугубо прагматическими переговорами между обвиняемым и представителями следствия, использующими стандартную формулу «Чистосердечное признание облегчает наказание / участь / душу / вину / совесть» в качестве тактики призыва к откровенности. СМИ неслучайно окрестили «сделкой с правосудием» результат подобных переговоров, которые приобретают форму обмена: следствие предлагает подозреваемому лицу некое смягчение / освобождение в обмен на «чистуху» – подробную письменную фиксацию содеянного, способствующую раскрытию и расследованию преступления, изобличению других участников.

(10) *Возьми на себя, а мы тебе чистосердечное признание. Годика два-три отсидишь – выйдешь. Новую жизнь начнешь* (В. Климов. Суд оправдал начальника ГОВД Карабула-

- ка, где 4 суток пытали невинного парня // Комсомольская правда, 2012.11.08);
- (11) – *Я ушел от Снежаны, заснул у телевизора и ничего не слышал. – Жаль, – с деланным сочувствием вздохнул опер. – Чистосердечное признание облегчает наказание* (А. и С. Литвиновы // Комсомольская правда, 2002.12.20);
- (12) *Видимо, те, кто диктовал подследственному «чистуху» – так на жаргоне сыщиков называется чистосердечное признание, – по ошибке указали ему неверное число* (А. Обровец. За убийцу ответил свидетель // «Общая газета», 1998).

Другими словами, чистосердечное признание не всегда представляет собой акт добровольного волеизъявления, а, напротив, нередко осуществляется с нарушением прав обвиняемого и/или под принуждением, в связи с чем возникает проблема определения достоверности и подлинности полученных признаний.

- (13) *Невозможно утверждать наверняка, что там происходило, только он с глаза на глаз продиктовал оперуполномоченному «чистосердечное признание» в краже, взяв всю вину на себя* (Е. Ухов. Эх вы, «братцы-кролики»... // Труд-7, 2005.04.21);
- (14) *Поначалу Шэ упрямо настаивал на своей невинности, однако бесконечные допросы с применением жестких методов воздействия достигли цели – в конце концов он сломался морально и физически и сделал «чистосердечное» признание* (Д. Привалов. Сидел, пока не объявилась «жертва» // Труд-7, 2005.04.09).

Условный формализованный характер чистосердечного признания в ситуациях досудебного расследования подтверждается и его типизированной композиционной структурой, включающей в себя следующие компоненты: а) наименование органа, ФИО соответствующего должностного лица, б) ФИО заявителя с указанием места регистрации и контактных данных, в) изложение обстоятельств совершенного преступления. По сути, чистосердечное признание представляет собой одну из письменных форм заявления, адресованного следственным органам. Не случайно на сайте Федеральной службы судебных приставов России¹ размещен образец заявления о явке с повинной.

Изложение обстоятельств злодеяния и наступивших последствий характеризуется стандартизованностью, что в совокупности с ранее сказанным дает основания именовать данный тип текста речевым жанром.

Адресатом чистосердечного признания являются представители следственных органов,

адресантом – гражданин, совершивший правонарушение.

Коммуникативная цель данного речевого жанра – достоверное изложение событий и поступков криминального характера, совершенных автором признания, с указанием обстоятельств и сведений о других участниках преступления для смягчения наказания.

Языковое воплощение данного жанра характеризуется признаками, присущими официально-деловому стилю, точностью обозначения, конкретностью, лаконичностью, использованием юридической терминологии и отсутствием смысловой неопределенности и экспрессивно-эмоциональных языковых средств.

Таким образом, чистосердечное признание в институциональной коммуникации носит принудительный характер – говорящий вынужден сделать признание под воздействием обстоятельств или партнера по коммуникации. Применительно к юридическому дискурсу словосочетание «чистосердечное признание» функционирует как термин, употребляясь в узко-специализированном значении «заявление о совершенном преступлении» и служит наименованием соответствующего речевого жанра. Относится ли все сказанное к реализации чистосердечного признания в сфере бытового коммуникативного взаимодействия, рассмотрим в следующем разделе.

Чистосердечное признание в бытовой коммуникации

Одним из ценных качеств человека является умение сказать правду честно, открыто, готовность/способность к искреннему взаимодействию с партнером по коммуникации. Неформальное добровольное признание в ошибочных действиях, неосмотрительных и неблагоприятных поступках можно квалифицировать как духовное деяние, близкое к рассказу и исповеди (ср. *признаться* – открыться, исповедоваться; исповедаться, распахнуть душу, вывернуть душу наизнанку (*разг.*)/*в проступке*: сознаться, покаяться; посыпать главу пеплом (*книжн.*); расколотся (*прост.*); повиниться (*устар. и прост.*) [14: 382]).

Закономерно, что ситуации «открытия души» в идеале должны предшествовать размышления и осознание собственной неправоты, взвешенное обдумывание и детальный анализ своих поступков, провинностей или прегрешений. На практике же словосочетание «чистосердечное признание», дважды маркированное искренностью, откровенностью, достаточно часто употребляется не с исходной, а «выветренной» семантикой, более характерной для речевых штампов, как, например,

¹https://fssp.gov.ru/obrazec_zajavlenija_o_javke_s_povinnnoj/

в примерах (15–18), в которых чистосердечное признание синонимизируется с честным ответом, правдивым высказыванием:

- (15) *Ладно, игра игрой, а в этом разбираетесь? – кивнул на чертеж. – Нет, – чистосердечно признался лейтенант* (В. Корнилов. Демобилизация);
- (16) *У вас есть другие варианты? – Нет, – чистосердечно признался Иоганн* (В. Кожевников. Щит и меч);
- (17) *Видела, когда мы вчера из школы выходили, – сказал Алик, – он за деревом стоял? – Не видела, – чистосердечно призналась Тося* (И. Пивоварова. Тройка с минусом или происшествие в 5 «А»);
- (18) *– Зачем ты здесь? Почему не спрыгнул со всеми? – Труханул малость, – чистосердечно признался Громыхало* (В. Курочкин. На войне как на войне).

При этом референтом чистосердечного признания не всегда выступает адресант этого коммуникативного действия:

- (19) *Все может быть, – согласился заведующий и чистосердечно признался, что трактор этот устаревший, американской марки, часто ломается, сожрал кучу денег на ремонт и сейчас годен только как учебное пособие на тракторных курсах* (А. Мусатов. Земля молодая).

Несколько иначе обстоит дело, когда чистосердечное признание соотносится с коммуникативными ситуациями, сопряженными с моментом искренности, эмоциональной открытости, позволяющей поведать о поступках или чувствах и переживаниях, очень часто малоприятных:

- (20) *Один такой опытный сердцеед открыл мне свои карты и чистосердечно признался: «Я давно переспал со всеми подругами своей жены (Е. Левина. Если друг оказался вдруг любовником вашей жены – что делать? // Комсомольская правда, 2001.03.22);*
- (21) *... одной из сенсаций которой стало чистосердечное признание автора в его криминальном прошлом: юнцом он промышлял воровством под началом известного в городе авторитета (В. Кичин. Дымы отечества // «Известия», 2002.02.15).*
- На основе анализа эмпирического материала мы приходим к выводу, что чистосердечное признание в бытовом межличностном общении – речевой поступок, не имеющий строгой формально заданной аранжировки, но оцениваемый адресатом / внешним наблюдателем:
- (22) *Может быть, автор этой записки, если он, конечно, не трус, назовёт себя. – Это я написал, – поднявшись, чистосердечно признался Федя Сушков. – Хвалю молодца*

за откровенность, – осклабился Дембовский (А. Мусатов. Клава Назарова).

Обнаружено, что чистосердечное признание варьируется по степени искренности и откровенности от минимальной, тождественной обычному правдивому высказыванию (15–18) до максимальной, равнозначной откровенному разговору (23):

- (23) *...Нет, это не было диалогом, Лаптев говорил один. Едва глотнув горячего чая, он сделался болтлив, слова просто переполняли его, и, отставив чашку, он без передыху выложил всю свою жизнь от детства в сонном провинциальном городе Острове до сегодняшнего невезучего, но такого типичного для него, горемыки, дня. Он не скрыл ничего, подробно рассказал даже то, чего никому никогда не рассказывал, – про свою женьтьбу на Светлане.*

– Я ее любил, так сказать, – признался он с неловкой косой улыбкой и перевернул плечами. <...>

– По-ня-а-тно... – прогудел доктор, не сводя с Лаптева своих рачьих глаз, и в этом «понятно» Лаптев с обидой услыхал удовлетворение: «что ж, мол, вполне естественно, так и должно быть, красивые женщины всегда уходят от таких вот растяп, уродов и неумех». И ему стало стыдно и противно – разболтался, раскис, раскрыл душу – и кому? (Н. Катерли. Коллекция доктора Эмиля).

В последнем случае номинация «чистосердечное признание» парадигматически связана с глаголами, обозначающими правдивое, искреннее поведение, с такими предикатами, символизирующими откровенность, как *признаться как на духу, как перед Богом, положить руку на сердце, открываться, открыть свои карты, раскрыть душу, выворачивать душу наизнанку (разг.), признаться по чистой совести*. Чистосердечное признание на фоне «обнажения» души выполняет регулятивную, экспрессивную, социально-психологическую (психологическое сближение) и/или психотерапевтическую (эмоциональная разрядка и восстановление душевного равновесия) функции.

Однако, следует обратить внимание, что в ситуации межличностного взаимодействия чистосердечное признание достаточно редко равноценно откровенному разговору исповедального характера и отнюдь не обязательно сопровождается коммуникативным самораскрытием, переводом внутренних глубинных переживаний на поверхностный уровень общения. Обнаруживаются противоположные случаи, далекие от эмоционально переживаемого раскаяния, когда «чистосердечному призна-

нию» сопутствует определенная, граничащая с бахвальством, бравада поведением, традиционно осуждаемым в обществе:

(24) *Вызвать на откровенность удалось нескольких знаменитостей. Бари Алибасов **чистосердечно признался**, что не переносит длительных любовных отношений – его хватает ровно на три месяца. Потом Бари охладевает к избраннице и бросается за новой мечтой* (О. Логвинова. Почему мужчины боятся жениться? // Комсомольская правда, 2007.06.30).

Очевидно, таким образом, что к настоящему времени атрибутивная характеристика 'чистосердечное' подверглась семантической девальвации, что в результате не позволяет приравнивать «чистосердечное признание» к речевым жанрам «откровенный разговор» или «разговор по душам», но дает основания квалифицировать данное коммуникативное действие как речевой поступок,

- 1) подразумевающий в зависимости от ситуации: а) честный ответ, б) правдивое высказывание, в) сообщение о вине / поступке;
- 2) варьируемый по шкале искренности и эмоциональной открытости;
- 3) не имеющий стандартизированной формы выражения.

Заключение

Анализ коммуникативной ситуации чистосердечного признания на примере двух дискурсов позволил установить следующее.

В институциональном (юридическом) дискурсе чистосердечное признание реализуется

как речевой жанр, адресованный следственным органам, имеющий цель изложение событий и поступков криминального характера, совершенных автором признания, с указанием обстоятельств и сведений о других участниках преступления. В данном виде дискурса «чистосердечное признание» употребляется как специфический термин, располагающийся в одном ряду с такими юридически регламентируемыми действиями, как «явка с повинной» и «деятельное раскаяние». Как речевой жанр «чистосердечное признание» характеризуется определенной композиционной структурой, конкретностью и лаконичностью, стандартизованностью изложения, использованием юридической терминологии и отсутствием смысловой неопределенности или экспрессивно-эмоциональных языковых средств.

В личностно ориентированном (бытовом) дискурсе чистосердечное признание предстает как речевой поступок, не имеющий строго формализованной структуры и соотносимый с тремя основными вариантами реализации – с сообщением о вине, честным ответом или правдивым высказыванием. Чистосердечное признание в данном дискурсе обнаруживает варьирование по степени искренности / откровенности и в очень редких случаях сближается с разговором по душам.

В обоих дискурсах чистосердечное признание носит в большинстве случаев имитационный характер, атрибутивная характеристика номинанта 'признание' девальвируется и десемантизируется, не позволяя считать данное коммуникативное действие частью доверительного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
2. Панченко Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательский центр «Наука», 2011. Вып. 7. С. 254–261.
3. Панченко Н. Н., Наумова М. М. Особенности коммуникативного поведения конфиденанта в ситуации откровенного разговора // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. № 2. С. 106–112.
4. Ожегов С. М., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Российский фонд культуры. 2-е изд. М. : АЗЪ, 1994. 907 с.
5. Цепелева Н. В. Синонимическая сеть как фрагмент семантического и ассоциативного полей (на материале лексем «откровенность – чистосердечность – искренность») // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3 (22). С. 13–17.
6. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные

языки и методика их преподавания. 2011. № 1. С. 5–13.

7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.

8. Везбицкая А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 68–81.

9. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанров русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. С. 23–34.

10. Дементьев В. В. Когнитивная генристика // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 103–115.

11. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык» : жанры речи и ... «язык речи»? // Жанры речи. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6. С. 5–23.

12. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательский центр «Наука», 2002. Вып. 3. С. 40–52.

13. Федосюк М. Ю. Речевые средства воздействия на адресата (риторика обыденной речи) : учеб. пособие по спецкурсу для студентов-филологов. М. : Изд-во МГУ, 1998. 107 с.

14. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М. : Русский язык, 2001. 568 с.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).

2. Panchenko N. N. Confession as a genre of confidential communication. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr "Nauka", 2011, iss. 7, pp. 254–261 (in Russian).

3. Panchenko N. N., Naumova M. M. Peculiarities of the confidant's communicative behavior in the situation of frank conversation. *Verkhnevolskiy Philological Bulletin : Scientific Journal*. Yaroslavl', RIO YAGPU, 2015, no. 2, pp. 106–112 (in Russian).

4. Ozhegov S. M., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. RAN, Rossiyskiy fond kul'tury. 2nd ed. Moscow, AZ Publ., 1994. 907 p. (in Russian).

5. Tsepeleva N. V. Synonymic network as a fragment of semantic and associative fields (based on the lexemes "openness – frankness – sincerity"). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2010, no. 3 (22), pp. 13–17 (in Russian).

6. Sternin I. A. Psycholinguistic meaning of a word. *Vestnik RUDN. Seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of the RUDN. The Series Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching], 2011, no. 1, pp. 5–13 (in Russian).

7. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).

8. Wierzbicka A. Speech genres (in the context of the theory of elementary semantic units). In : *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres : Everyday Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 68–81 (in Russian).

9. Gol'din V. Ye. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 23–34 (in Russian).

10. Demytyev V. V. Cognitive genistics. In: *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres : Everyday Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 103–115 (in Russian).

11. Demytyev V. V. Aspects of the problem "genre and language" : genres of speech and ... "language of speech"? *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr "Nauka", 2009, iss. 6, pp. 5–23 (in Russian).

12. Sedov K. F. Psycholinguistic aspects of the study of speech genres. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr "Nauka", 2002, iss. 3, pp. 40–52 (in Russian).

13. Fedosyuk M. Yu. *Rechevyye sredstva vozdeystviya na adresata (ritorika obydennoy rechi) : ucheb. posobiye po spetskursu dlya studentov-filologov* [Speech Means of Influencing the Addressee (rhetoric of everyday speech)]. Moscow, Moscow University Press, 1998. 107 p. (in Russian).

14. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskie spravochnik* [The Dictionary of Russian Language Synonyms. A Practical Guide]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 568 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 14.01.2022
The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 14.01.2022